

УДК 902/904

САРМАТСКИЕ ИМПОРТЫ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВООРУЖЕНИИ ПЛЕМЕН ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2014 С.Э. Зубов¹, Р.Р. Саттаров^{1, 2}

¹ Самарский государственный университет,

² Самарская академия государственного и муниципального управления

Поступила в редакцию 18.03.2014

В статье затрагиваются процессы взаимодействия кочевого и оседлого населения в раннем железном веке. Авторы отмечают неоднозначность общепринятых утверждений по взаимодействию двух миров, не отрицают, что некоторые образцы сарматского клинкового оружия могли выступать предметом обмена и торговли с пьяноборским населением, не исключают заимствование форм оружия и изготовление местными кузнецами.

Ключевые слова: Западное Приуралье, ранний железный век, кочевники, сарматы, оседлое население, пьяноборская археологическая культура, импорты и заимствования, комплекс вооружения, мечи и кинжалы, наконечники стрел, защитное вооружение.

Процессы взаимодействия двух миров с разными экономиками – кочевого и оседлого населения давно интересуют многих исследователей. В последнее время в изучении этой проблемы наблюдается некоторое оживление¹.

В научной литературе утвердилось мнение об извечном антагонизме кочевого и оседлого населения, их противостоянии, а также считается неоспоримым в эпоху раннего железного века превосходство сарматского оружия над комплексом вооружения оседлого населения Волго-Уралья.

Постулат военного противостояния степи и леса утвердился во многих работах. И поиски основного врага для лесного и лесостепного населения, соотносимого с памятниками пьяноборской археологической культуры, не вызывали у исследователей каких-либо затруднений – в первую очередь они обращают свое внимание на юг, в степные просторы, занятые «воинственными» кочевниками-сарматами (рис. 1).

В какой-то степени можно согласиться с этим суждением, хотя некоторые данные не позволяют столь категорично рассматривать взаимоотношения кочевого и оседлого миров. В частности, мы видим, что в приграничных с сарматами районах пьяноборских укрепленных поселений (городищ) практически нет², в то время как в центральных районах распространения памятников пьяноборской культуры городища распространены повсеместно³.

Как отмечал И.М. Акбулатов, «особенности
Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией. E-mail: guberfond@rambler.ru
Саттаров Рузиль Раильевич, младший научный сотрудник научно-исследовательской археологической лаборатории СамГУ, аспирант САГМУ. E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

хозяйства скотоводческих и оседло-земледельческих племен предполагают постоянный обмен между ними, так как кочевникам трудно обойтись без земледельческих продуктов и ремесленных изделий, в то время как земледельцы, в принципе, могут обходиться без продуктов, традиционно поставляемых на обмен с кочевниками»⁴. Конечно, мы далеки от мысли приравнять лесное и лесостепное население Приуралья в раннем железном веке к земледельческому. Более того, мы не видим убедительных доказательств в пользу этого распространенного декларативного утверждения в научном сообществе⁵. Но абсолютно уверены в том, что оседлому населению было что обменивать на товары, поступающие от или через кочевников.

Вполне вероятно, что предметом обмена и торговли могли выступать некоторые образцы сарматского клинкового оружия. Но могла быть заимствована и форма оружия, изготовленного местным кузнецом. Хотя заимствование формы тоже выступает как предмет импорта – *импорт идей*, то есть, сохраняя внешние очертания и наружный вид первоисточника, предметы вооружения изготавливали по своим традиционным технологиям. Однако, чтобы определить так ли это, стоит остановиться на определении значения импорта поподробнее. В толковом словаре русского языка значение слова импорт трактуется следующим образом: «ИМПОРТ, -а, м. 1. Ввоз товаров, капиталов, технологии из-за границы; противоп. экспорт. Я. машин. И. зерна. 2. собир. Ввозимые из-за границы товары, изделия (разг.). II прил. импортный, -ая, -ое»⁶.

Исходя из данного определения, в контексте археологического изучения *импорты* или *предметы импортного производства* – это предметы

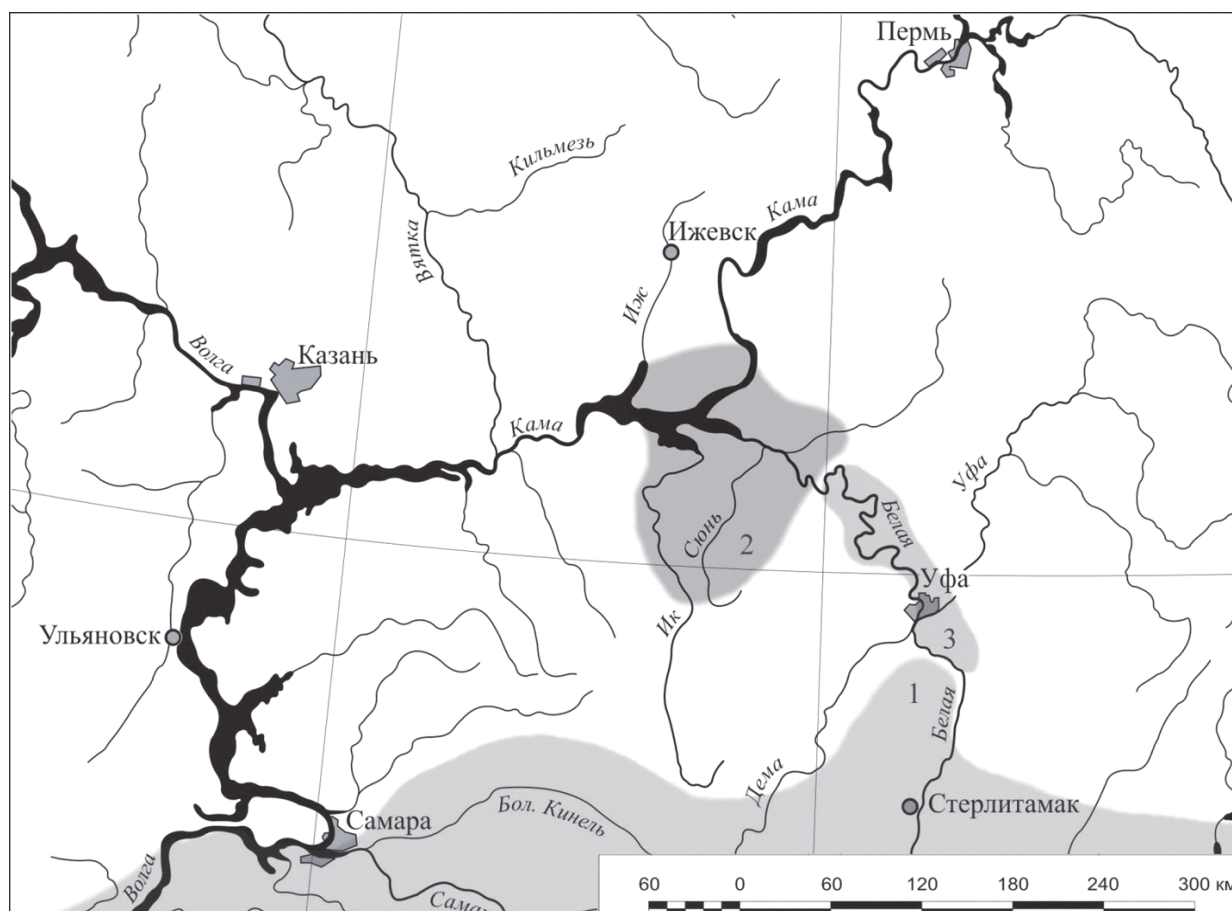

Рис. 1. Ареал распространения памятников кочевников-сарматов (1) и оседлого населения пьяноборской (2) и кара-абызской (3) культур

в большей степени материальной культуры, изготовленные или добытые в одной историко-культурной области и попадающие в другую в результате торгового обмена, военного захвата или дани, платы за службу и т.п. Отдельные дорогие вещи могли быть дипломатическими дарами, традиции изготовления которых часто отличаются совершенностью отделки и технологических приемов.

На наш взгляд, такие понятия, как заимствование форм в контексте «импорта идей» и предметы импортного производства, следует учитывать и рассматривать более скрупулезно.

В оружейно-техническом аспекте без качественного металлографического анализа пьяноборской и сарматской репрезентативной серии клинкового оружия весьма трудно ответить однозначно на этот вопрос. Это же отмечают и другие исследователи, касающиеся пьяноборской проблематики⁷. В последние годы активизировались работы в этом направлении. В.В. Кондрашиным и С.Е. Перовицкиным описаны технологические схемы изготовления кузнечного инвентаря из трёх пьяноборских могильников: II Нырғындынского, Икского и I Камышлы-Тамакского⁸. Этого явно недостаточно, так как в первую очередь рассматриваются предметы, наиболее ха-

рактерные для пьяноборской культуры. Такие работы начались проводиться В.В. Кондрашиным на материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника⁹. На сегодняшний день только одну археологическую находку из материалов Кипчаковского могильника можно сравнить с сарматской серией клинкового оружия. Но к этому вернемся чуть позже.

Объектами нашего исследования стали наконечники стрел (бронзовые, железные), кинжалы и мечи.

Нам кажется очевидным, что бронзовые наконечники стрел не являлись импортом, а были изготовлены пьяноборскими мастерами в традициях сарматских форм (рис. 3, 7-10). В.Ф. Генинг пришел к выводу, что техника изготовления бронзовых вещей в пьяноборское время шагнула далеко вперед по сравнению с ананьинской культурой. Гораздо разнообразнее стали технические приемы изготовления бронзовых вещей, что самым положительным образом сказалось на качестве их отделки и тонкости работы¹⁰. Однако среди бронзовых наконечников иногда встречаются производственные браки, что возникает при массовом изготовлении подобных предметов. Думается, что изделия с литейными огрехами не могли быть предметом торгового обмена,

тем более с учетом имевшегося у пьяноборского населения высокоразвитого для своего времени бронзолитейного производства. Более достоверные данные по изделиям из цветных металлов представляется возможным получить при использовании различных естественнонаучных методов (химический, спектральный, рентгено-

флуоресцентный и др.). Эти перспективные направления у авторов настоящей работы пока еще находятся на стадии разработки.

С железными наконечниками стрел дело обстоит несколько сложнее. Сарматы, несомненно, сыграли ведущую роль в распространении железных трехлопастных черешковых наконеч-

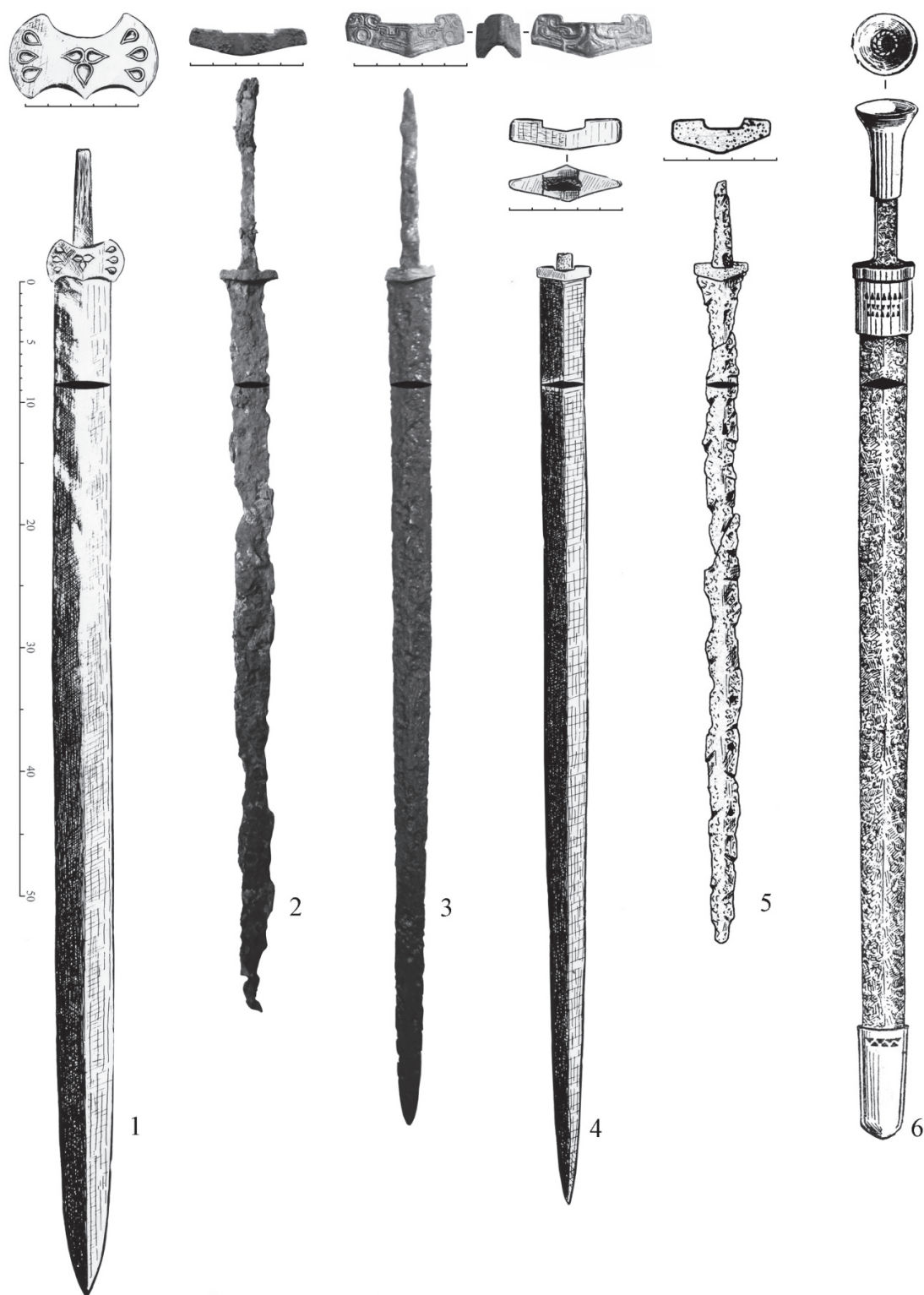

Рис. 2. Мечи из захоронений пьяноборских могильников:

- 1 – Ново-Сасыкульский, погр.260; 2 – Кипчаковский I, погр.8 (раскопки 2012 г.);
3 – Камышлы-Тамакский I, погр.68; 4 – Ново-Сасыкульский, кв.19/С; 5 – Кушулевский III, погр.306;
6 – Чеганда II, погр.26

ников стрел в Восточной Европе. Появление таких наконечников стрел в погребальных комплексах пьяноборья связано или с прямым проникновением сарматов, или с их влиянием (рис. 3, 11, 12). Прямого проникновения сарматов в пьяноборскую среду археологическими методами мы не наблюдаем. Подобные наконечники появляются в кочевом мире на рубеже IV-III вв. до н.э., в III в. до н.э. они уже широко распространены¹¹. В Приуралье замена бронзовых втульчатых наконечников стрел на железные черешковые шла менее интенсивно, нежели в южных регионах. М.Г. Мошкова устанавливает дату широкого распространения у сарматов железных черешковых наконечников стрел со II в. до н.э., а с конца II-I в. до н.э. – повсеместное их господство¹². Некоторые наблюдения хронологического порядка позволяют предположить более позднее время полной смены бронзовых наконечников на железные у населения, оставившего памятники пьяноборской культуры. Нам кажется вполне вероятным омолодить дату повсеместного распространения железных наконечников стрел в памятниках пьяноборской культуры минимум на полстолетия по сравнению с сарматскими комплексами. И в этом, на наш взгляд, не последнюю роль сыграло уже упоминавшееся развитое бронзолитейное дело в среде пьяноборских племен.

Возможно, этот тип категории был импортом, но и здесь есть вероятность изготовления наконечников в местных мастерских. Только два экземпляра железных наконечников стрел из кипчаковской коллекции подверглись металлографическому анализу. Было определено, что один образец был откован из железа (ан.204). По такой же схеме, но уже из малоуглеродистой стали был изготовлен и второй наконечник стрелы (ан.205)¹³. Как мы видим, этих данных явно недостаточно.

Более убедительно наличие достоверных импортных предметов в материальной культуре лесостепного и лесного населения Волго-Уралья среди клинкового оружия. В первую очередь к таковым можно отнести три меча китайского производства (или подражания китайским образцам) из Камышлы-Тамакского (погр.68), Кушулевского III (погр.306) и Ново-Сасыкульского (кв.19/с) могильников (рис. 2, 3-5). Вполне возможно рассматривать эти мечи как подражание китайскому оружию. На возможность этого указывал в свое время А.С. Скрипкин, исследуя серию мечей с бронзовым перекрестием ромбического сечения в сарматской паноплии¹⁴. Еще один образец близкого к китайскому клинковому оружию был найден в Кипчаковском I курганно-грунтовым могильнике (погр.8 из раскопок С.Э. Зубова 2012 г.). Этот меч с бронзовым

ромбическим перекрестием и вырезом со стороны длинной рукояти на сегодняшний день является самой северной от Великого шелкового пути находкой подобного типа (рис. 2, 2).

Интересен один образец клинкового оружия из Ново-Сасыкульского могильника (погр.260). Железное секирообразное перекрестие длинного массивного меча без навершия с лицевой стороны было украшено в технике перегородчатой эмали трехлепестковым цветком по центру и по бокам тремя лепестками. Контуры лепестков выполнены из белой бронзы, а пространство было заполнено эмалью желтого цвета¹⁵. Нельзя оставить без внимания меч из могильника Чеганда II (погр.26) с редким насадным навершием в виде цилиндра с закрытым раструбом. Такое оформление наверший характерно для мечей заключительного периода Чуньцю и Чжаньго¹⁶.

К следующей категории клинкового оружия относятся кинжалы (рис. 3, 1-6). В свое время Б.Б. Агеев, классифицируя вооружение пьяноборской культуры, по форме навершия, перекрестия и клинка выделяет четыре типа кинжалов¹⁷. Из его классификации мы видим, что массово представлены однолезвийные кинжалы без навершия и перекрестия, количество которых по его сводке исчисляется 76 экземплярами¹⁸.

Все остальные типы малочисленны, но именно они нас и интересуют, поскольку наиболее близки к типичному оружию южных соседей. Клинковое оружие с серповидным навершием в большей степени характерно для раннесарматской культуры. Двулезвийные кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием были широко распространены у южных кочевников и в большинстве своем датируются среднесарматским временем. Кинжалы без навершия и перекрестия характерны для позднесарматских памятников¹⁹.

Клинковое оружие с брусковидным перекрестием и серповидным навершием нехарактерно для пьяноборских памятников. Единственный экземпляр кинжала такого типа происходит из разрушенного коллективного погребения 3/1 кургана 41 Кипчаковского I могильника (раскопки Ф.М. Тагирова 1990 г.). Клинок этого кинжала был подвергнут металлографическому анализу В.В. Кондрашиным. Анализ показал, что технологическая схема изготовления представляет собой двухполосную сварку, причем автор отмечает, что эта сварка была проведена достаточно качественно²⁰.

Н.Н. Терехова, исследовавшая технологию производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени, в выводах своей статьи отмечает, что «в раннесармат-

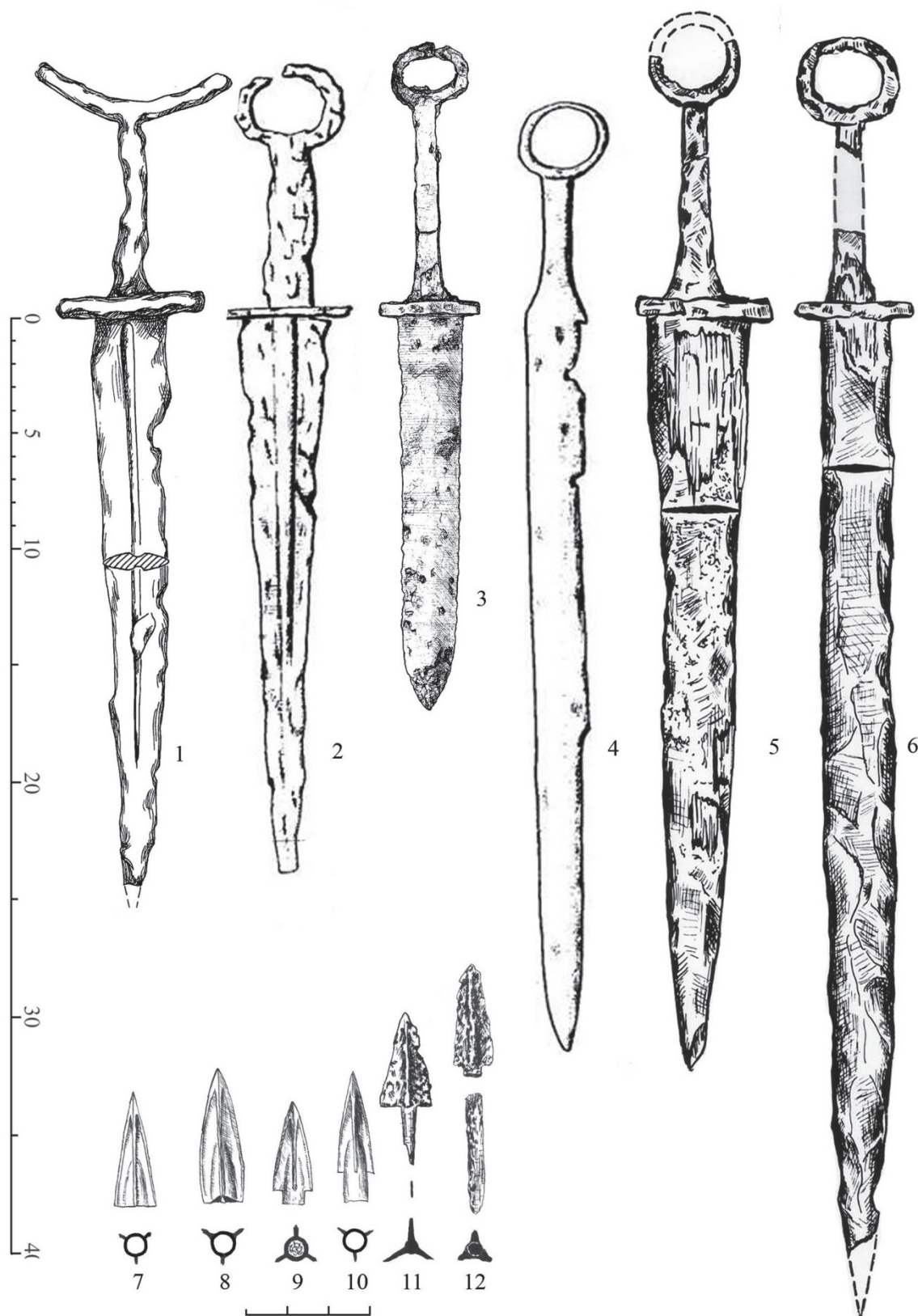

Рис. 3. Кинжалы и наконечники стрел из захоронений пьяноборских могильников:

1 – Кипчаковский I, погр. 3/1 (раскопки 1990 г.); 2 – Юлдашевский, погр. 85; 3 – Кипчаковский I, погр. 43 (раскопки 2012 г.); 4 – Камышлы-Тамакский I, погр. 23; 5 – Ново-Сасыкульский, погр. 225, 6 – Ново-Сасыкульский, погр. 346; 1 – 6, 11, 12 – железо; 7-10 – бронза)

ский период упрощается общий внешний облик оружия, основное внимание сосредоточено на клинке, усложняется технология изготовления. Клинок из цельнометаллического превращает-

ся в сварной»²¹. То есть мы можем допустить, что пьяноборский кинжал с серповидным навершием и близкие сарматские образцы сделаны примерно в одних технологических традициях. По

крайне мере в выборке Н.Н. Тереховой присутствуют кинжалы с двухполосной сваркой²².

Подводя итог этой небольшой работы, следует отметить, что, несмотря на значительные различия в комплексе вооружения степного (сарматов) и лесостепного (пьяноборского) населения, сама форма разных видов оружия была довольно близка. Это вполне закономерно, поскольку сфера военных отношений всегда чутко реагировала на любые изменения общественной жизни, а новации в вооружении распространялись с исключительной быстротой.

У нас нет на сегодняшний день повода сомневаться в местном (приуральском) изготовлении наконечников стрел, как бронзовых, так и железных. Считать их импортными довольно сложно, учитывая уровень развития пьяноборского цветного и черного металлургического производства. Обращают на себя внимание типологические формы, абсолютно идентичные сарматским образцам, что может свидетельствовать о влиянии сарматского вооружения на пьяноборское. К слову сказать, мы не наблюдаем обратного движения оружия. Так, к примеру, костяные наконечники стрел, имеющие довольно большой процент в колчаных наборах пьяноборцев, не встречаются в сарматских памятниках. Большое количество копий в памятниках лесостепного населения Приуралья не оказало влияния на сарматскую паноплию. По крайней мере мы не фиксируем положения копий в единовременные пьяноборской культуре могилы кочевников. Однолезвийные боевые (полевые) ножи, которые в литературе иногда называют кинжалами, также не нашли отклика в среде сарматского населения.

При этом мы наблюдаем в пьяноборском материале небольшое число двулезвийных кинжалов сарматских форм – с серповидным и кольцевым навершиями. На сегодняшний день однозначно говорить об импортном характере этих кинжалов или о заимствовании форм довольно трудно.

Четыре меча китайского облика с бронзовыми ромбическими перекрестиями вполне можно считать импортными. Рассуждать об импортах защитного вооружения довольно сложно, поскольку у кочевников среднесарматской культуры Волго-Уралья таковых не найдено, а в пьяноборье известен только один наборный узкопластинчатый шлем (Кипчаковский могильник).

Таким образом, можно предполагать импортный характер небольшой части клинкового оружия и, очевидно, защитного снаряжения (кипчаковский шлем). В остальном лесостепное население Приуралья использовало свои

традиционные виды и формы оружия (наконечники копий с короткой втулкой, однолезвийные полевые ножи, костяные пирамидальные наконечники стрел со скрытой втулкой), количественное соотношение которых заметно отличалось от кочевнического.

Интересно отметить, что общее направление импортов шло, очевидно, именно через сарматов, а не через кара-абызское население, как это может показаться на первый взгляд при рассмотрении локализации памятников разных археологических культур (рис.1). Основанием этому мы видим значительное количество импортных вещей в памятниках именно на южной окраине распространения пьяноборской культуры, а не на востоке, если бы обмен шел через среднебельское население.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Овсянников В.В.* Характеристика контактов лесостепного населения Предуралья с номадами в пьяноборскую эпоху (II в. до н.э. – II в. н.э.) // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. Самара: Изд-во «Самарский муниципальный институт управления», 2011. №1. С.7-12; *Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // Уфимский археологический вестник. Уфа: «Гилем» АН РБ, 2009. Вып.9. С.144-156.

² *В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в.н.э. М.: Наука, 1988. Рис.1.

³ *Зубов С.Э.* Пьяноборская культура // История башкирского народа: в 7 т. / Глав. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. М.: «Наука», 2009. Т.1. Рис.67. С.255-267.

⁴ *Акбулатов И.М.* Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.). Уфа: НМ РБ, 1999. С.66.

⁵ *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура // БНЦ УрО РАН. Уфа, 1992. С.86; *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. ВАУ. Вып.10. Ижевск, 1970. С.79; *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья... С.44, 201; *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. С.255.

⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992. 955 с. 1993. 955 с.

⁷ *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984; *Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.

⁸ *Кондрашин В.В., Перевоицков С.Е.* Материалы по металлообработке пьяноборской культуры // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 3. Самара: Самарский государственный технический университет, 2012. С.240-247.

⁹ *Кондрашин В.В.* Результаты металлографического анализа кузнечного инвентаря Кипчаковского могильника //

- Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С.271-276.
- ¹⁰ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья... С.107.
- ¹¹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С.36-39.
- ¹² Мошкова М.Г. О ранних втульчатых наконечниках стрел // КСИА. Вып.89.1962. С.82.
- ¹³ Кондрашин В.В. Указ. соч. С.271-276. Ан. 204, 205.
- ¹⁴ Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып.3. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. С.24.
- ¹⁵ Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа: БФАН СССР, 1986. С.115. Рис.16, 1. Б.Б. Указ. соч. С.46. Табл.15, 5.
- ¹⁶ Скрипкин А.С. Указ. соч. С.19.
- ¹⁷ Агеев Б.Б. Указ. соч. С.47.
- ¹⁸ Там же. Табл.16, 7.
- ¹⁹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990.
- ²⁰ Кондрашин В.В. Указ. соч. С.271-276. Ан.207 А, Б.
- ²¹ Терехова Н.Н. Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени // Европейская Сарматия, СПб., 2011. С.83.
- ²² Терехова Н.Н. Указ. соч. С.89-90.

SARMATIAN IMPORTS AND INFLUENCE ON THE WEAPONS OF TRIBES OF PYANOBORSKAYA CULTURE IN THE ICK AND BELAYA INTERFLUVE

© 2014 S.E. Zubov¹, R.R. Sattarov^{1, 2}

¹ Samara State University

² Samara Academy of Public Administration

The article describes the interaction between nomadic and sedentary populations in the early Iron Age. The authors note the ambiguity of some common assertions on the interaction of nomadic and sedentary worlds; they do not deny that some samples of Sarmatian blade weapon could have been the subject of barter and trade with the population of Pyanoborskaya culture, and do not exclude imitation of some forms of Sarmatian weapons by local blacksmiths.

Keywords: Western Ural region, Early Iron Age, nomads, Sarmatians, sedentary population, pyanoborskaya archaeological culture, imports, borrowing, complex of weapons, swords and daggers, arrowheads, defensive armament.

Sergei Zubov, Ph.D., Associate Professor, Head of Archaeological Research Laboratory.

E-mail: guberfond@rambler.ru

Ruzil Sattarov, Junior Research Fellow, Archaeological Research Laboratory of SSU; Post-Graduate Student, SAPA.

E-mail: sattarov.rr@rambler.ru